

То, о чем мы МОЛЧИМ

Олеся Шведко

18+

Олеся Шведко

То, о чем мы молчим

«Автор»

2025

Шведко О.

То, о чем мы молчим / О. Шведко — «Автор», 2025

Анна с детства влюблена в Марка, но не признается в своих чувствах, а невидимой тенью следит за ним. И даже когда он уезжает в неизвестном направлении и она становится взрослой, она осознает, что не может жить дальше, не продолжив детской истории. Она решает найти его и получить его взаимность. Анна узнает, где он находится, и приезжает к нему под видом журналистки, которая пишет материал о месте, где он живет. В ее планах никогда не признаваться ему в своих чувствах, даже если они станут взаимны.

© Шведко О., 2025

© Автор, 2025

Олеся Шведко

То, о чем мы молчим

То, о чем мы молчим, всегда важнее того, о чем мы говорим.

Пролог.

Знаешь, час назад, на пути к маленькому домику, расположенному почти у самой воды, я познакомилась с мистером Страх. Он представился не слишком вежливо – толкнул в грудь и крикнул в лицо. Море, потакая ему, подвывало недобрые песни.

Многие люди любят море, считают его красивым. А я, увидев его, в первую очередь подумала о том, сколько кораблей оно уже похоронило и возненавидела это чудовище. Мне нет дела до его красоты – море кое-что взяло у меня взаймы, и оно должно вернуть мне это в полном порядке, и оно это сделает.

Сопровождающий меня мужчина был угрюм и неприветлив. Мы не обмолвились и парой фраз с самого вокзала. И не нужно. Мне было, чем заняться. Я искала ТВОИ следы на мокром песке – не так глупо, как кажется. Ты впервые за три года так близок от меня. Сказать точнее – впервые за всю жизнь.

Домик, который выделило руководство вашей жалкой деревеньки оказался ужасным. Маленький, черный, избитый – словно по нему прыгали слоны. Тот, кто его строил, специально старался, чтобы домик выглядел убого. Я переступила порог, огляделась и разозлилась на весь мир за то, что самый важный вечер в моей жизни так сер и неприветлив. И я тоже кажусь себе мрачной и серой. Неспособной достичь тебя.

Но все это было раньше, какой-то час назад ...

А сейчас я уже поужинала бутербродами, разложила вещи, включила лампу. Сажу за столом, в длинном свитере из нежного кашемира, колючих шерстяных носках, у замызганного окошка и пишу. Тебе. Перед сном закрою глаза, и поцелую тебя так, будто знаю вкус твоих губ. Потому, что однажды я этот вкус узнаю.

А пока пишу тебе, пишу... просто отсылаю слова-телеграммы в пустоту с почтальонами – лови! Так хорошо просто так писать, не ожидая ответа... Смаковать момент, когда я, обращаясь к тебе, чувствую едва уловимое вибрирование невидимой нити, что накрепко связала нас однажды. Верю, что ты ощущаешь меня рядом и мыслью прикасаюсь к твоей щеке. Этот вечер, пропитанный мыслями озябших от нелюбви людей вокруг, будет для тебя теплым и уютным, словно ты спишь, уткнувшись лицом в грудь любимой женщины. Ты еще не знаешь, почему, но тебе уже светло и легко на душе. Ведь завтра мы встретимся.

Это завтра, а пока все так же. Все также мы в разных галактиках, миллионы световых лет между нами. Поэтому я постоянно забываю твое лицо. Это было и там, в городе. Случалось, никак не могу вспомнить, как же ты выглядишь? Помню только глаза, такие милые, большие... сумасшедшие глаза...

Пятница! Сколько их было раньше, этих пятниц "без тебя"? Если бы я знала, что одна из них сведет наши дороги, каждую неделю отмечала бы этот день, как праздник. Завтра возьму свою камеру и пройду по берегу. Буду снимать каждый камень этой местности, где живешь

ты. Тихо, очень вежливо поговорю с водой и попрошу ее быть доброй к тебе, пока ты там, на судне.

Раньше это казалось невозможностью, сладким сном – стать законным визитером на твоей территории, вступить в твое поле, не созерцая его со стороны... До тех пор, пока я не стала действовать. Лишь теперь понимаю, как это было просто. Взять и приехать. Одного не пойму – почему столько времени тянула? Нужно было сделать это сразу же после того, как ты уехал.

Сколько слов заготовлено – лежат, послушные, смиренные, как банкноты в сейфе... Но надо молчать, лишь эта тетрадь...

Только что приходил какой-то старичок, с добрым любопытным лицом и спрашивал, не нужно ли мне теплое одеяло или еще что-нибудь. Мне показалось, он просто пришел поглазеть на меня. Поглазеть по-доброму, как на пушистую зверушку в клетке. Да, ну и жизнь у вас здесь – развлечений нет, и не каждый день в твою деревушку приезжают молодые сумасбродные писательницы.

Мы немного побеседовали. Он представился (я тут же забыла, как его звать) сказал, что работает сторожем на базе, упомянул твое имя (добрый знак, это значит, нить, связывающая нас, крепка и сильна). Посоветовал ложиться спать и пошел за одеялом. (Так, словно это ты бы советовал мне лечь после долгого пути).

Я поражалась самой себе и даже смеялась вслух, прежде, чем снова сесть за тетрадь. Я сумасшедшая! А перечитала записи – ну да, готов диагноз! Я напоминаю себе безрассудную школьницу, никто не знал меня такой даже тогда. Когда я ею была... Но... это простиительно. И неопасно. В жизни моей единственное безрассудство – ты. И какое оно целенаправленное, почти маниакально расчетливое, это безумство! Я приняла решение и совершаю шаги по направлению к тебе – и я уже здесь!

П.с. У меня достаточно сил изменить все, и даже могу отказаться от тебя, но зачем, когда есть другой путь- сделать нас счастливыми? Я молюсь и знаю, что ты нуждаешься во мне не меньше, чем я в тебе. Просто нужно доказать ...постскриптум грозит стать целой тетрадью! Спокойной ночи! Я слишком эмоциональна от приезда. Восторгов хватит на всю ночь. Стараясь быть хладнокровной, забираюсь в постель. Оторвать руки от тетради невозможно. Но нужно. Сладких снов, любимый.

2 часа дня. Берег. Тучи. Чайки. Я.

У берега лежит одинокий валун, квадратный как табуретка и жутко холодный. Села на него и стало так уютно, словно сам Бог подготовил для меня это место в зале ожидания. Я принесла сложенное в несколько раз шерстяное одеяло, чтоб не «отморозить придатки», как пугала меня мама. И, конечно, тетрадь.

Пытаюсь привыкнуть к мысли о том, что эта вода несет тебя ко мне. Иногда поднимаю глаза и взглядом натываюсь на стаю чаек, которые, охотясь, кружатся над серой пеленой. Отвратительно. Их крики похожи на стоны грешных душ.

Чайки танцуют, пикируют вниз – этот танец лишь охота на мелкую рыбешку. Я замахнулась на более крупный улов. Сколько лет уже я за тобой охочусь? Жаль, ты этого не узнаешь – оценил бы мои старания. Ты ведь тоже целеустремленный – вот и сейчас, зачем вышел в

море, когда погода так беспокойна? Я собственной мыслью растворяю шторм, который может произойти. Еще не время нам расставаться. Ведь мы ни разу по-настоящему не встретились.

Со скуки и, чтоб отогнать мысли о беде, буду, как и прежде, стараться разобраться в мире, в котором ты живешь, сочинять мифы о тебе и развеивать их. Любовь не умеет существовать без иллюзий – для того, чтоб полюбить, нужно обязательно взять живого человека из крови и плоти и наделить его качествами, которых у него нет. И моя задача отсортировать эти качества, чтобы они не мешали любить тебя и только тебя, а не придуманный мною образ.

Но это трудно – ты так часто вводил меня в заблуждение, что мне за это время пришлось полюбить несколько личностей. Сначала юного студента, способного и жизнерадостного, удачливого до зуда зависти у всех остальных. Энергичного – твои батарейки никогда не садились. Харизматичного – только тебе доверяли вести все праздничные мероприятия. Веселого – только ты мог хохотать на весь коридор так заразительно, что преподаватели, вместо того, чтоб одергивать тебя, начинали улыбаться. В тот момент все девушки в университете были влюблены в тебя: и, знаешь, было нелегко отказаться от такого соблазна. Ведь женщины подсознательно выбирают всё самое лучшее, а ты был вне конкуренции. Ты был ярким и свежим, хорошо учился, ладил со всем миром. Рядом с тобой вечно находилась "подруга сердца", которая, по моему, была слишком глупой, чтоб сообразить, насколько чудесного парня она охмурила. Черт... я даже имени ее не помню. До сих пор улыбаясь, вспоминая выражение её лица! Такое обычно нарисовано на лицах у девиц, которые точно знают, что следует быть высокомерными, но не знают, по какому поводу! Она часто на тебя ворчала, словно поставила цель сделать из тебя настоящего героя, а ты сопротивлялся. А ты и так был героем. Ты был улыбчив и добр, а она, видимо, считала тебя легкомысленным.

Преподаватели обожали тебя, даже с самыми вредными из них ты находил общий язык – как это у тебя получалось? Как хорошо, что я младше и училась тремя курсами позже. Я бы не смогла учиться вместе с тобой, не поняла бы ничего из того, что мне преподавали, я бы не сдала ни одного экзамена – просто тарасилась бы на тебя целыми днями... Горько вздыхаю, вспомнив эти времена. Как я жила?

Когда ты шел по коридору, я замирала – мне казалась, я вижу светлый призрак ты притягивал своей свободой, независимостью от других. Ты заявлял всему миру – «вот он я, любите меня!» И мир любил тебя, у него не было выбора... как и у меня.

Я потеряла контроль – это было самым страшным моим падением. Я стала зависима – это было горько. И это было так прекрасно...

Сколько писем тебе было сожжено? Сколько заготовлено признаний?

Но я не из тех, кто смог бы бросить свою любовь на растерзание. Я не могла подставить тебя под риск стать подлецом, который не отвечает мне взаимностью. Я оставила тебе свободу выбора – самому меня заметить и понять, что я и есть именно та, кто должен быть рядом с тобой до самой старости.

Всегда оставаясь невидимкой, используя любую свободную минуту, я шпионила за тобой, ожидая момента, когда ты сам меня заметишь, но увы – мы даже фразой не обмолвились. Лишь иногда встречались взглядами – я умирала и возрождалась на месте за миг... ты смотрел сквозь меня, и все... Ох, как ты меня мучал!

Я не смогла бы все это вынести сама, храня тайну любви – меня бы просто однажды занесло взрывом на части, ведь она приумножалась. Мне помогала Люси. Если бы я не выговаривалась ей время от времени, сошла бы с ума. Мне нужно было, чтоб хоть кто-то знал обо всем – если не ты, пусть она... Хорошо, что Люси не сплетница – то ли подруга слишком меня любила, то ли не хотела разрушать интриги, но я сделала правильный выбор плакатальной жилетки.

Тогда мне казалось, нет страдания горше и нет ничего труднее – любить и ждать. А теперь я ясно вижу – мне было удобно так жить, не меняя ничего, сохраняя дистанцию и право на мечту. А еще я знала – не время. Я слишком молода. Время мучило меня, но не как палач, а как доктор. Оно давало мне шанс быть с тобой рядом там, в будущем. Да, был риск потерять тебя, отдать в руки другой, постарше и пошустрее... Но я знала, на что иду.

И вот пришла пора любить тебя другого. Однажды ты переменялся. Что произошло в твоей жизни – никто не знал, что именно. Сначала исчезла твоя улыбка. Щетина полезла... даже прическа сбилась. Ты сгорбился и словно исчез где-то внутри себя... Потом стал исчезать и с занятий. Тебя не было неделями, и только твоя прежняя успеваемость помогала сохранить учебу – тебя же все обожали и поддерживали. Ты появлялся после долгих прогулов, каждый раз иной. Я теряла тебя и себя вместе с тобой.

Помню, однажды я застала тебя курящим у стены. Я впервые увидела предельное, откровенное отчаяние в твоих глазах. На меня смотрел затравленный зверек. И было что-то еще. Я не знаю, почему оно вдруг возникло. Может, мои мечты были готовы реализоваться тогда. Потому, что во взгляде твоём был вопрос, предназначавшийся лично мне. Ты видел перед собой меня. Не просто какую-то незнакомую девчонку, а именно меня.

Подойти к тебе и просто обнять... ты звал меня взглядом, ты спрашивал, подойду я или нет. Если бы у меня хватило безумия сделать это, все решилось бы еще тогда.

А я развернулась и ушла. У меня не хватило смелости. Веры в то, что ты действительно этого хочешь. Да и как бы это выглядело? Я была никем. Я плачу сейчас, как и всякий раз, как вспомню этот взгляд... Нет – не буду корить себя... Лучше продолжу.

И тогда ты стал неинтересен всем, кроме меня. Ты больше не был образцом для подражания. Ты стал небрежно одеваться, исподлобья мерить людей взглядом маленького злобного гнома. В тебе разочаровались все, друзья куда-то растерялись – и, конечно, подруга покинула... подростки жестоки. Я теперь понимаю, как ненавидели тебя друзья во времена твоего полета, когда ты был выше всех на голову в своей свободе полубога. Теперь они радовались твоему падению. А я продолжала любить. Но теперь все было по новому. Мы поменялись ролями. Я росла, становилась эффектной и таинственной. Я была не из тех девушек, которые вульгарно одеваются и тратят слишком много времени на косметику. Мама всегда помогала мне ощущать себя красивой без лишних прибаамбасов и у меня появился свой стиль, и мой естественная красота начала притягивать противоположный пол. Не обошлось без коллекции разбитых сердец. Но эти ухаживания я принимала как данное, не стараясь ничего из них извлечь.

Какой-то поклонник постоянно подкидывал мне мягкие игрушки в почтовый ящик, оставаясь инкогнито. Мой однокурсник – хороший парень с приличной родословной, писал трогательные письма. Еще один "любимчик публики" (кстати, из твоей группы), не давал мне прохода – даже не помню, как легко и машинально отбивала их всех. Их для меня просто не существовало. Существовал только ты, твои карие глаза падшего ангела, ставшая дурацкой прическа, высокая, нескладная фигура, красные, желтые, коричневые, зеленые, оранжевые твои свитера... шарф с пятном от кофе, которое так хотелось отстирать... губы, забывшие, как улыбаться, которые так хотелось снова этому научить поцелуями...

Я сделала тебя своей целью с самого начала, и потому лишь ждала и бесстрастно наблюдала за оболочками, которые ты менял, словно маленькая гусеничка, что никак не может превратиться в бабочку. Я могла бы помочь тебе во всем, если бы это потребовалось, но мы ведь даже не были знакомы. Я потому и нахожусь здесь, что уверена – ты не вспомнишь моего лица, не узнаешь меня – в лучшем случае лишь призадумайся, где же мы встречались ранее... Я привыкла быть тенью. Как это мучительно. Но это было счастьем, ведь настоящая боль пришла

тогда, когда тебя в моей жизни не стало – ты просто исчез, уехал, испарился! Вот тогда и начался ад. Я оказалась поймана в ловушку собственного решения – или ты, или никто. Я пыталась опротестовать это решение. Но, похоже, Высший Суд вывел этот вердикт, а не я. И ничто не проходило, не перегорало... Затихало и возвращалось. Преследовало меня, как привидение. Съедало, как неизлечимая болезнь.

Все!

Я не могу больше жить, надеясь и ожидая. Не могу бросать свою судьбу в руки другого мужчины, когда люблю тебя. Мы поженимся, и точка. Иначе зачем мне жить? Мужчины живут ради своих увлечений, поисков, войны, а женщина? Ей надо рожать детей и любить мужа. Чего мне добиваться еще?

В тот момент, когда ты навсегда станешь моим и до самого последнего дня, проведенного вместе, ты не узнаешь, насколько сильны мои чувства. Я буду хорошей женой, лучшим другом, остроумной и легкой собеседницей, богиней кухни, гостиной и постели. Ты волен от моих эмоций. Наша встреча будет милой случайностью, а брак – долгой, прочной связью. Я не хочу выглядеть в твоих глазах маньячкой, потерявшей голову от любви. Милый, я маньячка, и это так. Я смеюсь на весь берег. Я люблю тебя по сумасшедшему, и, как все маньяки, я очень хитра и расчетлива. Я разрабатываю план века! Мы обязательно будем рядом. А пока просто мысленно целую море, в котором ты сейчас, чтобы оно было добрым к тебе. До вечера!

23/15.

Мне...не страшно, нет...мне странно.

Начался мелкий дождь. Сажу у окна, свет лампы колеблется в такт моим душевным порывам и отбрасывает тени. Глаза устают от такого света. Изредка отрываю взгляд от страницы и смотрю сквозь стекло прямо в ночь. Я переживаю за тебя.

Только что приходила женщина, её зовут Мария (И как я запомнила ее имя?), она очень радушно и с большим интересом отнеслась ко мне. Она принесла на ужин домашней колбасы и пирог с каким-то сладким сиропом. Простая, открытая женщина. Я выглядела перед ней по-дурацки. Я совершенно не приспособлена к здешним условиям. И кто-бы подумал, она жена твоего компаньона! Отбросив в сторону изнеженность горожанки, я постаралась быть настолько простой и искренней, насколько это возможно в моем положении. Каждое слово давалось с трудом. Как вору кажется, что все знают о его преступлении, мне кажется, все на этом побережье знают, зачем я здесь и потому мне тяжело. Но я победила – удалось расположить ее к себе и разговорить.

Мы говорили о тебе. Мне показалось, она сторонится этих разговоров, лишь в нескольких фразах дала понять, что люди считают тебя странным и здесь у тебя практически нет друзей.

История падения с небес продолжается? Что же случилось? Когда я спросила, что значит "странный", она пожала плечами и сказала, что ты не стремишься быть кому-то другом, а люди здесь простые – нет и не надо, тем более, они на тебя работают. Если бы ты был немного приветливее, все бы тянулись к тебе, и женщины бы тебя любили, но ты черствый, хоть и молодой. Молодой отшельник, которого просто некому прибрать к рукам.

Сдается мне, что тебя тут или считают сумасшедшим, или побаиваются.

Ночь стала еще чернее, и вот, сажу у окна, грызу яблоко и пытаюсь понять, что же с тобой происходит. Что значит это "странный"? Все тот же загнанный зверек? Или мне придется познакомиться еще с одной личностью, которых так в тебе много?

Но как неуютно здесь! Как бы мне вырвать тебя отсюда? Что же ты наделал, родной? Ты бы стал таким отличным ученым, так красиво смотрелся бы в деловом костюме... что же, что же выбросило тебя сюда? Нелепые поступки и это «странный» делают тебя более таинственным... или я уже убеждаю себя в этом для того, чтобы эта лысая местность не казалась мне слишком ужасной... она отвратительна... этот пустой берег, постоянные вопли чаек, шум волн... Кажется, только от этих звуков может начаться морская болезнь.

Остаться здесь... Было бы лучше вернуть тебя домой.

Четверг.

Я не делала записей два дня, потому, что...

Мне стыдно признаться, но мистер Страх снова напал на меня и одержал маленькую победу. Я вдруг задрожала, в пять минут собрала вещи, села на пол и разрыдалась, как слабоумная. Бросила сумки на пороге. Что я вытворяю? Бесцельно брожу по берегу, распинав ногами маленькие камни и раковины, часами сижу в неподвижной бесцельности в полутемном маленьком домике. Через силу общаюсь с людьми, которые приходят, чтоб под видом вежливого визита посмотреть на меня, как на животное в зоопарке. По этой деревушке уже разнесся слух, что молодая писательница пишет книгу об их местности и все пытаются познакомиться со мной и выпытать буквально все. Они принесли столько еды, что я уже не могу смотреть на нее. От разнообразия пищи, от скуки, глупых вопросов и пасмурной погоды на меня напал ужас... В душе как лавина сошла – мое бедное Я летит в тартары, сносит все на пути, гремит, переворачивается, и единственное, на что надеюсь, это на то, что жизнь обретет смысл... завтра... Но чем больше я на это полагаюсь, тем больше этого пугаюсь. Ведь наши надежды всегда разбиваются о реальность, как волны о камни, да, милый? Но, прежде чем разбиться, они омоют этот мир мечтой... и по прошествии времени они способны сделать любой острый камень гладким... это сентиментально, но именно поэтому у меня еще есть право на надежду. Есть право!

Я не боялась тогда, когда ты на моих глазах ходил за руку с другой девушкой, глядя сквозь меня. Я видела как ты целовал ее и смеялась, сжимая кулаки. Я знала, что приходит время, и любое ожидание оправдывается... А эта девушка играла лишь в эпизоде. Исчезла, как, оттанцевав танец на закате, исчезает бабочка-однодневка.

Не сдалась я также, когда ты уехал. Я сохранила любовь. Я ждала. И, не дождавшись, я тебя нашла, я приехала!

И завтра мне предстоит увидеть тебя, познакомиться с тобой... нет! познакомить тебя со мной! Вести с тобой долгие беседы, смотреть в твои глаза с добродушным участием и легкой улыбкой и очаровать. Самое интересное впереди... Волшебное время! Наш первый разговор! И дни рядом с тобой! Боже! Я трясусь, как осиновый лист. И предательская мысль бросить все и уехать...

Нет, это будет слишком.. дешево, да, дешево для тебя. ТЫ стоишь того, чтобы за тебя боролись. Последнее, с чем предстоит сразиться перед тем, как мы столкнемся лицом к лицу, будет моя нерешительность. Я задавлю ее сегодня же. Сейчас же. Пошла разбирать сумки!

Вечер. Не знаю сколько времени. И не надо.

Только что узнала, что ты возвращаешься утром. Набралась наглости и спросила у смотрителя маяка о тебе. Спросила, кто ты, постаралась узнать, что ты из себя представляешь. Я была слишком напористой, но уже все равно. Черт вас всех побери, знайте, зачем я здесь!

Он пожал плечами. Он стар и равнодушен ко всему. Его можно понять. Он всего лишь сказал, что ты "хороший и вежливый молодой человек". Вот и все. Хороший, вежливый?! Кто-то может сказать о тебе всего два слова. Я могу написать целую книгу. Я злая, как волчица. И паника в сердце превращается в злость ко всем, кто равнодушен к тебе. Это глупо. Я сегодня очень глупа, я никогда не была такой глупой. Я,Я,Я... Сколько этих «я»? Боже, помоги мне.

Завтра мы увидимся.

Нужно лечь и выспаться, но знаю, что это не удастся. Всю ночь я буду измерять углы шагами, глазами... Больше не возьмусь за тетрадь. Завтра нужно стать милой девушкой, чужой тебе и несомненно привлекательной – для того сегодня необходимо молчание... Немного покоя для того, чтоб настроиться на войну и одеть маску незнакомки.

*** Ночь, 2,35

Ни одна женщина не будет тебя любить так, как я! Да, пусть я хвастаюсь этим – имею на это право! Я совершала нечеловеческие подвиги ради тебя. Стала твоей тенью, и ты должен это оправдать. Ты обязан сделать это! Только в мечтах идиотов бывает безусловная любовь, где прощается все и нет никаких ожиданий... Я не прошу, не забуду и я возьму свое! Если понадобится, я буду любить тебя и так, как раньше, еще лет двести. Но сейчас мне нужны результаты, иначе бы я до сих пор сидела в душевной редакции и каждый день понемногу забывала тебя! Я упрекаю тебя, но я... прости, кажется, я просто жутко трушу. «Я». «Я»... Опять «я»?

Но ведь эти бесчисленные «я» – для тебя...

Анна открыла глаза и рассматривала грязный потолок.

Затем села на кровати, натянула одеяло на грудь.

«Нужно посмотреть в окно» – думала она, не решаясь сделать это.

Из окна можно было увидеть причал. И можно было сразу понять, вернулось судно или еще нет.

Анна завернулась в одеяло и рискнула подойти к окну, отодвинуть занавеску и выглянуть на улицу.

Сердце ее рухнуло вниз и тут же встало на место, бестолково колотясь – причал был пустым.

Анна набросила халат на пижаму. Нервными, торопливыми движениями взяла полотенце, купальные принадлежности, и вышла во двор, к водопроводу. Умывалась холодной водой так, словно привыкла делать это с малых лет. Затем выпрямилась и, вытирая лицо, шею, замерла с полотенцем в руках, вглядываясь в даль моря.

Шторма не случилось – вчерашняя дурная погода поугубила Анну дурной перспективой и растворилась в ночи. Небо было ясным, почти сливалось синевой с морской водой, а на горизонте не было видно ни пятнышка. Судно должно было прибыть с минуты на минуту.

Анна встряхнула влажные волосы, расправила их на плечах. Что-то напевая, направилась обратно в домик. Вытащила зеркало и всматривалась в свои беспокойные глаза. Она старалась подобрать подходящее выражение лица для первой встречи, но через пару минут запретила себе делать это. Нужно было просто привести себя в порядок и ждать.

Включив электрический чайник, который одолжила ей Мария, она дождалась кипятка и заварила себе чай. Позавтракав колбасой с сыром, которые показались ей бумажными, вышла на берег. Усевшись на уже обжитом валуне, руками охватив колени, Анна стала смотреть вдаль.

-Господи – зашептала она беззвучно, губами. – Пусть он меня полюбит...

-Доброе утро. Не замерзли ночью?

Это Мария. Снова принесла какую-то еду. На фоне душевной паники Анна все-же иронично подумала о том, что кажется этим людям слишком худой – они стремятся ее закормить. –Нет.– отозвалась она односложно.

-И все лучше было бы к нам... – неуверенно, смущаясь проговорила Мария. Её большое круглое лицо порозовело. – У нас хоть весело. Скучно, наверное, в этом жутком домишке.

Анна покачала головой и недовольно отозвалась:

– Мне нужно быть одной.

Тут же стало неловко за свой сухой тон. Ей не хотелось быть грубой. Это страх рвался из души, вселился в нее, словно бес. Хорошо, что Мария словно не замечала этого.

– Как не страшно в таком старом доме спать одной? – женщина покачала головой, поражаясь смелости Анны.

Анна натянула на лицо улыбку раскаяния.

–Единственное, что меня тревожит, это то, что в доме нет нормальной ванной комнаты. Если позволите, я буду пользоваться Вашей.

–Конечно же.– торопливо отозвалась Мария. Видимо, ей хотелось угодить писательнице. – В любое время.

Анна поблагодарила женщину.

–Скажите, а судно может задержаться? – спросила она нервно, вглядываясь в горизонт прищуренным взглядом.

–Навряд ли...– Мария пожала плечами. – Но все может быть. Возьмите еду. У меня дома дети, я не хочу оставлять их надолго. И если понадобится еще что-нибудь, приходите. Вы знаете, где я живу.

Анна взяла из рук Марии полиэтиленовый пакет и рассеянно попрощалась. Она даже не заметила, как Мария ушла.

"Мерзкое место. – думала она раздраженно, всматриваясь в линию горизонта .– Мне больше нравится город. Я бы ни за что не осталась здесь жить. Что тебя сюда приволокло, скажи мне, ну?«

Словно в ответ на ее мысли впереди, на синей глади воды показалась маленькая черная точка. Мечта плыла к ней сама, неторопливо и необратимо.

Девушке показалось, что море покачнулось.

«Ну, вот и ты... Ты! Как...страшно» – мысли ее мысли. Прожитые годы улетели куда-то под откос.

Анна соскочила с камня, стала ходить вдоль по берегу. Она помнила о том, что еще раньше приказала себе все чувства держать под контролем. Но это оказалось невозможным.

Наконец она заставила себя успокоиться, отошла от воды. Прижав руки к груди, стояла, как вкопанная, до тех пор, пока судно не подошло к берегу, и не осталось лишь несколько десятков метров. Затем повернулась и, не оборачиваясь, направилась к домику.

Оттуда, из маленького окна, вцепившись побелевшими ногтями в подоконник, она наблюдала, как швартуется судно, как сходят на берег один за другим мужчины, слушала их крики, смех, и они были так похожи один на другого, и казались нарисованными на бирюзовом фоне моря и неба человечками. Анна не различала их лиц и ей хотелось рыдать от досады. Но снова выйти и приблизиться она не осмеливалась.

Рыбаки собрались в одну группу, что-то горячо обсуждали. Анна больше не смотрела туда. Она смотрела на судно – по палубе ходил высокий, очень худой мужчина в синем дождевике. Его движения были по кошачьи плавными, хоть и была у него нескладная, словно собранная в детский конструктор фигура. Походив некоторое время, он остановился и замер на месте, спиной ко всем, глядя туда, откуда только что прибыл. Затем снял шапку и взъерошил темные выющиеся волосы, спадающие на лоб и уши. Сунув шапку в карман, стал спускаться на берег, ни с кем не разговаривая и глядя себе под ноги.

Девушка прислонилась щекой к грязному торцу окна и протерла пальцем стекло в том месте, где стоял этот человек. Долго смотрела на него. Она все еще сомневалась. Она не была уверена, что этот человек именно тот, ради которого она здесь. И все же отчего-то продолжала смотреть именно на него.

Анна больше не чувствовала себя охотницей. Сейчас она стала просто человеком, идущим навстречу своему выбору, и это никак не походило на то, что представлялось ранее. Незвестность поглощала ее, и будущее больше не было расписано по пунктам – оно стало непредсказуемым. Но отступать было не в ее духе. Она уже знала цену своим отступлениям-они стоили не больше, чем пустые обещания рекламщиков. Даже если отступит сейчас, вернется позже – так зачем тратить время?

Надо было самой встать идти, найти его, действовать, приводить свой приговор к счастью в исполнение. А она не могла подняться с места.

«Ну подойди поближе...подойди поближе!» – умоляла она выбранного ею мужчину.

И вдруг он, словно услышав ее просьбу, направился к домику. Через минуту Анна увидела его лицо и приглушенно вскрикнула – это был Он.

Он прошел мимо домика и скрылся. Анна отошла от окна, села на край кровати.

Она улыбалась.

Анна дала себе несколько часов, чтоб обуздать свое счастье. Затем нанесла на лицо легкий макияж, переделалась в длинное синее платье с восточным орнаментом, набросила сверху короткую джинсовую куртку и одела нитку бус. На улице было холодно и следовало больше заботиться о здоровье, чем о внешнем виде, но именно этот наряд Анна припасла для первой встречи, а менять планы было не в ее стиле. Она достала из чемодана туфли на маленьких каблучках, распустила волосы и снова превратилась в саму себя – спокойная, уравновешенная, даже слегка суховатая красавица, глядя на которую и подумать нельзя, что в ее душе ютятся

какие-нибудь страсти или слабости... и ничто не сведет ее с ума и не затуманит разум, разве что дорогой парфюм или красивые автомобили.

Анна поднялась, вышла за порог домика, и имидж прагматичной горожанки тут же слетел с нее – его сорвал порыв пронзительно холодного ветра. Поборов искушение вернуться назад и влезть в теплые ботинки и куртку, Анна скрестила руки на груди и побрела к своей цели.

Когда Анна дошла до дома Марии, ей показалось, у нее сейчас отвалится нос. Та открыла калитку, розовая, распаренная от кухонного пылу и Анне захотелось уткнуться лицом в ее пышную грудь, чтоб согреться в этом великолепии.

– Анна! Проходи! – весело сказала Мария. – Пришла воспользоваться душем?

– Нет. – Анна все физические силы потратила на то, чтоб не трястись от холода и оттого разговаривала, как робот. – Ты можешь показать мне, где живет хозяин судна? Я хочу навестить его. Проводи меня, пожалуйста.

Ей казалось, земля слегка покачивается под ее ногами...но достаточно, чтоб устоять.

– Прости. Муж приехал. Я не смогу проводить тебя Но Марк живет недалеко от нас, я объясню.

Мария посмотрела на Анну, про себя удивилась тому, что девушка как-то странно раскачивается во все стороны, и спросила чисто из любопытства;

– Вы знакомы?

Анна странно усмехнулась.

– Пока нет. – ответила она.

Мария улыбнулась подозрительно или понимающе и очень доходчиво объяснила дорогу во всех мелочах. Анна даже в наступивших сумерках легко отыскала ее. Во время этого пути, ноги, окоченевшие в тонких чулках, сами вели ее. В закоулках ветер гулял не так сильно, но его хватило на то, чтобы Анна поняла, что ищет уже не мужчину-судьбу, а дом, где можно согреться.

И все же, достигнув цели, она еще недолго постояла, разглядывая небольшой коттедж, серого цвета маленький дворик, усаженный стратулами и алоэ. Хозяин дома видимо, пощадил естественный ландшафт местности и не стал вырубать старые деревья и он росли по всему двору, делая его походим на маленький общественный парк. Кусты японской метоны склоняли ветви к окнам, целую желтые стекла. Калитка была приоткрыта.

Анна поняла, что уже выучила узор перил на крыльце и если простоит еще чуть-чуть, заработает себе менингит. Она сделала глубокий вдох и пробормотала:

– Черт, если бы я могла, я бы сейчас пнула саму себя. Ну давай же, давай, иди! Или я тебя за волосы потащу!

Угрозы подействовали. Она сдвинулась с места! Прошла тропинке к дому. В одном из окон горел свет, и можно было видеть нескладный силуэт, вернее, его тень, которая двигалась за стеклом.

Анна, не задерживаясь, направилась к крыльцу.

Как только она поднялась по ступенькам и протянула руку к двери, чтоб постучать, маленький фонарь, висящий над дверью, вдруг загорелся, и облил девушку розоватым светом. За дверью послышались шаги.

3.05. ночь.

Я проплакала полночи, прежде, чем смогла взяться за записи. Наверное, жалкое зрелище, плачущая женщина в маленьком темном домике на берегу бездушного моря. Если бы Бог не был занят своими делами и увидел это, он бы тоже заплакал от жалости.

Когда ты открыл дверь, я от неожиданности отступила на шаг и чуть не упала, почувствовав под ногой пустоту. Интересно, было ли это слишком заметно – а мое смятение? К тому времени я была настолько жалкой – волосы обвисли сосульками, а губы еле шевелились от холода.

Но когда ты открыл дверь, время остановилось.

Издали доносился шум моря, и даже можно было слышать голоса людей, сидящих в своих домах – настолько обострился мой слух.

Твое лицо, твое милое лицо, заросшее щетиной, было уже не твоим. Ты был таким красивым! Но душа словно ушла глубоко внутрь, в глазах отражалась лишь стена, которой ты отгородился от всего мира. У губ легла морщинка – а ведь тебе всего двадцать восемь лет! В этом возрасте мужчина еще вправе совершать глупости из-за неопытности, еще вправе считаться юношей – но это не относилось к тебе.

Мне не видно строк. Сколько может быть слез? Это тают ледяные глыбы, за которыми я все эти годы пряталась от тебя. Буду плакать всю ночь и весь следующий день.

А наш дрянной, дурной разговор! Ты плел такую ересь! Вот уж не ожидала, что ты такой милый глупенький дурачок! Ты потерял себя окончательно. Могу ли я помочь тебе? Я буду думать всю ночь и весь следующий день, и всю жизнь, но найду выход.

Я знаю – ты никогда не станешь тем, кого я полюбила. Я полюбила яркого мальчишку из старшей группы. Здесь от него и тени не осталось. Там, в городе, твое отчуждение придавало тебе очарования. Но здесь... Здесь от тебя исходит не независимость, не свобода! А отвергнутое всеми, горькое, как желчь, одиночество!

Боже, как мне больно и стыдно за это одиночество. Но мы справимся, слышишь, мы справимся!

Некоторое время Марк молча смотрел на девушку, стоящую перед ним. Казалось, он плохо понимает, что за видение перед ним. Анна, пытаясь расправить окоченевшие плечи, жадно разглядывала его лицо.

–Здравствуйте. – произнесла она чуть слышно. – Мне нужно поговорить с Вами.

–Добрый вечер. – наконец глухо произнес Марк. В голосе его даже не было вопросительных нот. Словно Анна была почтальоном и приходила каждый день к нему, принося неинтересные газеты.

Он тряхнул головой, закашлялся.

– Поговорить? – переспросил он отрешенно, продолжая хлопать ресницами и тут все лицо его как-то странно перкосилось, будто он вот-вот заплачет или ему очень больно.

"Простыл?.." – тревожно подумала Анна. Марк осмотрел ее с ног до головы и большие, карие глаза новорожденного тельца, за которые она в него и влюбилась, загорелись немимым вопросом.

– Поговорить. – повторила Анна, сжимая кулаки. – Мне нужно с Вами поговорить.

Он все порывался что-то сказать, но наталкивался на ее пристальный взгляд и молчал.

Наконец, тряхнув головой, словно отбрасывая наваждение, отступил от порога.

–Проходи...те.

Он впустил ее в маленькую прихожую, помог снять куртку. Все делалось так, словно он был швейцаром в собственном доме – движения совершались автоматически. Пропустив Анну

в небольшую комнату, отделанную красным деревом и кожей, Марк вошел следом за ней и остановился за ее спиной.

– Хоти... те выпить? – предложил он, когда Анна устроилась в большом кресле, укрытым красным бархатным пледом. Анна покачала головой, но Марк тоже ответил отрицательно:

– Чай. Сам пью кофе с коньяком. Или, может, за компанию?

Он говорил нескладно, как разговаривают люди, не привыкшие к долгим беседам. Анна покачала головой.

– Нет. – ответила она чуть слышно.

На лице Марка промелькнула странная ухмылка.

– Ага. – сказал он.

Анна поняла, что он ее не слушает. Он либо растерян, либо сильно нервничает. Она не могла понять, почему. Слова Марии о том, что он «странный», казались оправданными.

Марк постоял у стола, потрогал какие-то папки на нем, затем искоса посмотрел на Анну и удалился из комнаты так поспешно, что, если бы были на то причины, Анна была бы уверена, что он сбежал.

Когда Марк снова появился в дверях, с подносом в руках, она уже согрелась, и заставила себя вообразить, что у нее все под контролем. Она спрятала в складках пледа ладошки и старалась вежливо и бесстрастно улыбаться. Но глаза ее, помимо воли, откровенно и взволнованно изучали лицо любимого мужчины. Глаза его бегали по углам и изредка притягивались ее взглядом, и тогда в глубине их вспыхивало нечто, что заставляло Анну вздрагивать, будто ей все еще было холодно.

Марк сел напротив нее и стал наливать чай в большую чашку. Подвинул поближе тарелку с печеньем.

– Чай. – сказал он, указывая пальцем на чашку.

– Спасибо.

Анна схватила чашку и стала пить чай. Он был горячим и она тут же обожгла язык, но зато теперь она была полностью согрета.

– Почему так легко одета? – спросил Марк, с ног до головы разглядывая девушку.

– Так вышло. – сказала Анна, пряча лицо за большой чашкой, оставив только глаза.

Марк тряхнул головой, снова чему-то усмехнулся, затем налил себе коньяк, выпил его, забыв добавить туда кофе.

– А зачем ты... Вы здесь? – спросил он, видимо, не зная еще, переходить ли ему на ты или держаться на дистанции культурных людей.

– Я журналистка. Работаю в литературном журнале «Восход» – слышали о таком, или может, читали? – заверещала воодушевленная Анна. На лице Марка отобразилось полнейшее непонимание.

– Журналистка... И что?

Анне послышалась издевка в его голосе. Она смутилась.

– Вы увлекаетесь литературой? – спросила она. Марк смотрел на нее странным, безумным взглядом.

-Нет, не увлекаюсь уже давно.

– Зря, зря. Книги читать надо... -Анна поняла, что разговор совершенно не клеится и замолчала. Зато, прогретый коньяком, разговорился вдруг Марк:

– И все же? Может Вы пришли ко мне из моей прошлой жизни. Принесли какие-нибудь новости о том, что происходит в жизни... Может, мы даже были знакомы, но это выпало из моей памяти, и Вы приехали навестить меня... – спрашивал он, таинственно мерцая глазами.

–Все проще! – перебила Анна торопясь, как завравшаяся школьница. Теперь она старалась смотреть по сторонам, чтоб не ловить его взгляд. – Я пишу повесть о жизни рыбаков, но я никогда не видела и не знала их жизни. Я урбанизированна. А писать о том, чего не видела и не знаю, я не хочу. И вот, я здесь. Мне нужны детали, мне нужна основа под мое произведение.

Вот как ловко! Основа под произведение! Как она врет и не запнется! Анна восхитилась самой себе.

– Я ищу образ для персонажа. – добавила она, вдохновляясь собственной талантливостью.

В глазах Марка появилось самое искреннее изумление. Наверное, он так же смотрел бы на нее, если бы она призналась во всем. И что его так удивило?

-Ищете... что?

– Образ. – она вложила как можно более обаяния в идиотскую улыбку и поняла, что превратилась в плохого клоуна. – Да, образ. Ну, писать образ... с человека...как портрет с натуры. понимаете?....

Марк смотрел на нее, явно ожидая чего-то еще.

"Неужели он все знает?..." – подумала она. И попыталась в его лице разглядеть это. Знает? Узнал ее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.